

УДК 94(47).026

Майоров А.А., кандидат исторических наук, Орловский государственный аграрный университет им. Н.В.Парахина (Россия)

«КАЗУС СУДИСЛАВА»: ОПЫТ ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Предлагаемая вниманию читателя работа посвящена рассмотрению некоторых деталей исторического сюжета, связанного с судьбой младшего брата знаменитого князя Ярослава Мудрого - Судислава Владимировича, по заведомо ложному обвинению проведенного в заключении порядка 24 лет. Традиционно (что вполне обоснованно), его подробности рассматривались в контексте, в первую очередь, русской истории - истории собственно Древней Руси как административно-политической системы и её же как центра консолидации восточнославянских этнополитических формирований. Достаточно редко его исследователи обращались к вопросам функционирования древнерусской государственности в широком контексте - как составной и неотъемлемой части единой восточно- и южноевропейской военно-политической «симфонии». Следует указать, что, по общему мнению, первая половина XI столетия в отечественной истории является периодом, в течение которого сюжеты русской истории тесно переплетались с многочисленными вопросами внешне- и внутривосточной тематики в крайне широком историко-географическом контексте - от балканских и северокавказских вопросов до прибалтийских и западнославянских проблем. Автор настоящей статьи полагает возможным обратить внимание при рассмотрении заявленной темы на некоторые её косвенные и не всегда очевидные связи и контексты. Анализ и сопоставление имеющихся в настоящее время источников и гипотез позволяет предполагать неявное воздействие на эти события целого ряда факторов - от традиционного семейного наследования до перипетий традиционных на Восточно-Европейской равнине внешнеполитических баталий. Акцентированный в названии термин «гипотетическая» указывает стремление автора отметить возможность и даже некоторую необходимость возникновения дискуссии, направленной на повышение степени актуализации сюжета, рассмотренного в настоящей статье.

Ключевые слова: Ярослав Мудрый, Судислав Владимирович, Мстислав Храбрый, отношения в процессе управления, система наследования, единоличное правление, международные отношения, стабильность иерархии.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-104-112

В древнерусской истории существует множество сюжетов, с моральной точки зрения весьма неприятных для людей, привыкших видеть в ней набор лубочных историй об однозначно благородных князьях, храбрых богатырях и святых подвижниках. Одним из них является летописный рассказ о заключении в «поруб» по заведомо несправедному приказу Ярослава Мудрого его младшего брата псковского князя Судислава Владимировича: «в се же лето всади Ярославъ Судислава в поруб... Плескове, оклеветавъ (бе) к нему» [5, с.147]. Официальная летопись, изложением которой явно можно полагать Лаврентьевский список, весьма щедра на похвалы в адрес Ярослава Владимировича, но довольно неожиданно акцентирует внимание на заведомо клеветническом характере обвинений в адрес Судислава, что подтверждает Ипатьевская летопись: «...всади Ярославъ. Судислава въ порубъ. брата своего Плескове. оклеветаны к нему» [14, стб.139]. Псковский князь просидел в заключении 23 года, и только через девять лет после смерти своего старшего (и последнего) брата Ярослава, в 1059 г. выпущенного своими правящими племянниками под клятву не претендовать на

княжение по праву старшего Рюриковича: «...Изяславъ, Святославъ и Всеволод высадиша стрья своего ис порубв, сиде бо летъ 20 и 4, заводивъше кресту, и бысть чернцем» [5, с.158]. Доживал он свои последние годы в качестве монаха киевского Георгиевского монастыря, в котором и скончался: «...В лето 6571. Судиславъ преставися, Ярославль братъ и погребоша и въ церкви святого Георгия» [5, с.159]. Кстати, именно это упоминание «поруба» является первым летописным указанием на применение тюремного заключения в качестве кары на Руси [15, с.47].

Сюжет, изложенный летописями, живописен, но не вполне «прозрачен» с точки зрения политической целесообразности для Ярослава Владимировича, политика опытного, жизнью битого и к сантиментам не склонного. Широта характеристик личности князя осознавались современниками, что отразилось в источниках: судя по всему, живые свидетели событий не утруждали себя чрезмерным морализаторством, а летописные осуждения в адрес убийц Бориса и Глеба и похвала их мученичеству, по всей видимости, являются поздними вставками, сделанными по прошествии около полувека

от времени самих событий, на фоне чего лишение свободы одного из претендентов на главный стол может рассматриваться как решение вполне гуманное [9, с.45-46].

Нет развёрнутого и достоверного ответа на другой закономерный вопрос — если Ярослав столь сильно опасался своего младшего брата, то почему не пошёл на него войной либо не подослал к нему убийц, как, по мнению ряда исследователей, было им сделано с прочими Владимировичами [18, с.337-369; 13; 10, с.195-266]? Следующее: почему за долгое время содержания (около 24 лет) единовластный правитель Руси не «оказал содействие» в уходе предполагаемого конкурента за грань бытия, подмешав некие вредные добавки в пищу либо воду или же натравив на уже удерживаемого в узилище Судислава какого-либо «мстителя»? Подобное развитие ситуации в свете ранне-средневековых нравов выглядело бы вполне обычно и тривиально.

Информации на этот счёт немного. По всей видимости, для проведения объективного анализа необходимо учитывать события, ранее не часто связывавшиеся с анализируемой ситуацией. Вероятные причины «казуса Судислава» (как, по мнению автора, вполне мог бы называться рассматриваемый сюжет) являются очевидными последствиями нескольких более ранних исторических эпизодов, первый из которых — борьба за власть двух Владимировичей: князей Мстислава и его брата Ярослава. Анализ событий 1023 г. заслуживает отдельного, подробного и объёмного исследования с учётом всего спектра собранных ныне различных исторических источников. Но и его, по всей видимости, следует рассматривать в широком контексте — в связи ещё со старой борьбой за влияние над просторами Восточной Европы, а также со злободневной военно-политической обстановкой в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Не секрет, что сопоставление нескольких факторов — границ, этно-политической структуры и геополитического позиционирования — позволяет рассматривать державу Мстислава Владимировича в качестве, вольно используя терминологию Л.Н.Гумилёва, явной политической «химеры»: с одной стороны, законного преемника державы Рюриковичей, с другой же — свежей инкарнации хазарских государственных структур днепровского

левобережья [16, с.130-145; 19]. В пользу последнего говорят, помимо прямых географических аналогий в виде пределов княжества, ограниченных прежней территорией хазарского контроля (актуальное на тот момент Черниговское княжение в совокупности с северным Причерноморьем и Подоньем), этнический состав его войска (северяне, хазары, касоги и пр.), а также реконструируемый данными нумизматики титул тмутараканского князя (архонт «Матрахии, Зихии и всей Хазарии»), также как и прослеживаемый у черниговского правителя титул «каган» [3, с.128-138; 2, с.25; 17, с.339-340]. Красноречивым является также то обстоятельство, что после раздела Руси в результате успешной для Мстислава битвы при Листвене 1024 г. князь Ярослав, потерпевший в ней поражение, был вынужден удалиться туда, куда варяги, согласно летописям, были приглашены изначально: «И седяше Мьстиславъ Чернигове, а Ярославъ Новегороде, и бияху Кыеве мужи Ярославли» [5, с.145].

Предполагается, что до момента смерти Мстислава Владимировича, князь Судислав находился в достаточно дружеских (насколько это было возможно) отношениях с Ярославом. Учитывая особые связи Пскова и Новгорода, можно даже предполагать, что именно поддержка со стороны Ярослава Владимировича являлась одной из важных «опор» псковского князя. В то же время, очевидно, что смерть же Мстислава всё кардинально изменила и привела к ситуации, описанной в начале статьи: «...всади Ярославъ. Судислава въ порубь. брата своего».

Сохранившиеся русские летописи свет на такие детали не проливают, но стоит отметить, что у Я.Длугоша именно Мстислав называется правителем Русским и Черниговским (*Msczislao Russie et Czirnyeowiensi dux*) в отличие от Ярослава, именуемого герцогом Киевским (*Jaroslauis Kyowiensis dux*) [22, с.309]. Учитывая значимость и важность точного воспроизведения подробностей титулатуры в восприятии человека средневековья, это делает несколько более понятными и логически объяснимыми ранее не вполне явные детали летописной трактовки действий владетеля: «посему же *перя власть его всю* Ярославъ, и бысть самовластец Русьстей земли» [5, с.147]. В то же время, даже не вдаваясь в смысловую многозначительность формулировок

Я.Длугоша, весьма любопытно становится понять, что же за особая такая власть была у Мстислава, что после её получения («переезжая») управленческие возможности Ярослава Владимировича претерпели драматический рост? Какие-то особые полномочия и права? Или же - при прочтении использованного термина как «волость», т.е. контролируемая территория - произошло простое, хотя и значительное, увеличение общей площади земель, подконтрольных киевскому князю?

Контекст анализируемых сообщений подразумевает, что полномочия Судислава (прямо не упоминаясь) не выделяются как самостоятельные, не рассматриваются отдельно и в полной мере попадают в совокупность «переезжающего» Ярослава Владимировичем. Собственная военно-политическая значимость псковского князя и его владений далее нигде не отмечается и не комментируется. В то же время, зафиксированные в отношении Судислава репрессии дают основания предполагать, что находившийся «в порубе» князь, реально *не выступая* претендентом на получение своей доли отцовского наследства, тем не менее, продолжал представлять некую *потенциальную* угрозу для правящего «самовластца». Исходя из действий Ярослава, возникает ощущение, что он чего-то всё же опасался, а его властные полномочия с точки зрения актуального на тот момент права и обычая, нуждались в дополнительной защите, поскольку не были в полной мере обоснованы.

Косвенно о необходимости подтверждения прав нового «автократора» («самовластца» в русской терминологии) свидетельствует немедленно начавшаяся печенежская осада Киева, с которой Ярославу пришлось разбираться военным путём с максимально доступным ему напряжением сил и ресурсов, выразившемся в одновременном использовании всех доступных ему воинских резервов - собственной княжеской, новгородской и киевской дружин. И всё равно: «...бысть сеча зла, и одва одоле к вечеру Ярославъ. И побегоша Печенези разно» [5, с.147]. На фоне этого сообщения, весьма интересно выглядит полное совпадение дат смерти Мстислава, разгрома печенегов Ярославом и прекращения весьма успешных печенежских набегов на фактически завоёванную ими Добруджу [1, с.120]. Эти набегии происходили фактически по

возрастающей на протяжении ряда лет - 1027, 1032, 1034, 1035 гг. В 1036 г. их состоялось три абсолютно успешных, закончившихся фактической оккупацией этой балканской территории. Эта победоносная кампания неожиданно прекращается в связи с полным уходом печенежских отрядов из владений Византии и Болгарии и, судя по всему, не возобновляются после смерти Мстислава и разгрома под Киевом. Более того, набегии кочевников на Византию из Придунавья с этого момента почти прекратились на долгие 12 лет, вплоть до 1048 г. [1, с.112-120]

Безусловно, «после события не значит вследствие события», но внезапный сбор печенежских отрядов под Киевом с отмеченным летописями пропуском отрядов Ярослава Владимировича в якобы блокированную крепость подразумевают первоначальное намерение успешных к этому моменту вождей как-то договориться (пусть и с позиции силы) с наследником покойного черниговского князя. Немаловажную роль, по всей видимости, сыграл и удар по печенегам пришедших из Азии торков, явно реализующих ромейский оборонительный план.

Может статься, что печенежская военная деятельность на Балканах координировалась, по меньшей мере, с учётом фактора существования и даже при некотором попустительстве со стороны Мстислава, а позиция Киева как центра единой страны была важна для кочевников. Кстати, предшествующая этим событиям высокая военная активность Мстислава (совместно с Ярославом и самостоятельно) по всем азимутам - на запад, на юг и на север - представляет управляемую братьями Русь в качестве очень активного и даже агрессивного государственно-политического формирования [5, с.146].

Исходя из этого, представляется, что оставление печенегами полностью занятой Добруджи, удобно расположенной непосредственно к югу от прямо контролируемых ими территорий Придунавья и отправка всех своих сил (прямо в момент триумфальной победы над Византией и болгарями) далеко на север, к Киеву, имела своей основой, в первую очередь, не желание его пограбить (Византия и Болгария были несравненно богаче столицы единой Руси), а явное намерение с их стороны урегулировать принципиально важный вопрос

поиска нового места жительства. Но Ярослав, по всей видимости, придерживался собственного подхода к рассматриваемому вопросу и «...бысть сеча зла, и одва одоле к вечеру Ярославъ». Впрочем, как известно, некоторые печенеги всё же расселились позднее на русских землях [20, с.420-421].

Симптоматично, что непосредственно сразу после прекращения печенежской экспансии на земли Болгарии и Византии (в 1036 г.), из Константинополя, уже потерявшего надежду «успокоить» агрессию этого этноса, в Киев были присланы мастера для строительства и отделки храма Софии и, параллельно тому, началось грандиозное городское и фортификационное преобразование столицы Руси. После смерти Мстислава внешняя военнополитическая активность Руси явно сокращается (в этой связи, кстати, много для верной оценки общеполитической ситуации могли бы дать отсутствующие ныне сведения о судьбе дружины покойного Мстислава). Более того, ранее отмеченный и явно скоординированный русско-германский натиск на Польское государство резко исчезает, а буквально через несколько лет наблюдается даже возникновение русско-польского союза [4, с.274. 302-323; 12, с.38-40].

По всей видимости, наряду с прочими факторами, исчезновение Мстислава в качестве политической фигуры стало значимой частью целой череды принципиальных изменений на восточноевропейском политическом поле, последствия которых прямо повлияли на судьбу Судислава Владимировича. Судя по всему, изменение статуса младшего Владимировича было обусловлено комплексом причин. Перечисляя возможные варианты, следует в качестве первой и очевидной гипотезы, конечно же, указать на прямое наследование Ярослава, Мстислава и Судислава их отцу — князю Владимиру, что делало Судислава прямым претендентом на киевский стол. Против первостепенной значимости такого предположения говорит явно неконфликтный характер псковского князя, очевидно доверявшего братьям и не желавшего бороться за первенство. Имеющаяся в его распоряжении военная сила была явно недостаточна, а слабые личные амбиции Судислава вряд ли могли всерьёз воспрепятствовать становления ярославова единовластия. Впрочем, вероятность достоверности данной гипотезы, как важной и

очевидной *части ответа*, обязательно следует учитывать.

Другой правдоподобный вариант — возможные опасения Ярослава из-за наличия потенциальной возможности рождения детей Судислава, кои, в силу переменчивости династических судеб, *могли бы* составить конкуренцию уже его потомкам на родовой «лестнице» наследования (ограничение общения с прекрасным полом в порубе и последовавшее монашество говорят о вероятности подобных резонов). У нового «самовластца» уже было к тому времени, по меньшей мере, четверо сыновей (Владимир, Изяслав, Святослав и Всеволод), ещё двое (Игорь и Вячеслав) не имеют точной даты рождения, но, скорее всего, родились примерно в эти годы и были весьма малы. Версия выглядит правдоподобно и также может быть частью *синтетического* ответа.

После перечисления многочисленных внешнеполитических и военных последствий смерти Мстислава Владимировича, представляется, что ограничивать себя лишь двумя резонами резкого изменения поведения правителя Руси в отношении Судислава не стоит. Возможно, для формулирования иных предположений (сразу отбросив врождённую злонамеренность Ярослава: если бы тот по-настоящему полагал необходимым убить, убил бы не колеблясь), следует рассмотреть также менее явные особенности статуса каждого из братьев, в первую очередь Мстислава и Судислава.

Что объединяло этих двух братьев и резко отличало их от Ярослава Владимировича? Наиболее очевидный ответ — происхождение. Имена и статус их матерей не установлены достоверно. Но, в соответствии с косвенными указаниями, существуют гипотезы либо их полного братства (а не единокровности, как в случае с Ярославом), либо единокровия, но с «единоплеменными» матерями-«чехинями» (указание на материнство Рогнеды не выглядит в настоящее время достаточно подтверждённым) [5, с.78; 10, с.72-73; 21, с.270, 274]. А.В.Назаренко, анализируя перипетии ранней внутри- и внешнеполитической истории Руси, отмечал постоянное возникновение в ранней русской «игре престолов» чешской темы [11, с.365]. Наблюдается она и здесь: ряд историков полагает, что у Мстислава и Судислава была одна мать — вторая среди жён Владимира «чехиня», в изложении В.Н.Татищева

носившая имя Адиль [21, с.270, 274]. Собственные изыскания автора настоящей статьи, в свою очередь, неоднократно выводили его на наличие многочисленных признаков особой значимости связей чешских и моравских земель со статусом, в частности, Верхнеокского исторического региона, который длительное время являлся органической частью тесно связанного с хазарами, северянами и (вероятно) булгарами особого восточнославянского формирования, весьма долгое время противостоявшего экспансии Руси Рюриковичей [6; 7; 8].

Следует отметить, что в древнерусской истории существует феномен особого статуса полоцкой княжеской династии, очевидно допускавшей возможность перехода части прав наследования не только по мужской, но и по женской линии. Используя его в качестве хронологически близкого аналога представляется вполне вероятным наличие у Мстислава и Судислава, как сыновей моравской либо чешской княгини (княгинь?), особых прав на наследование, по меньшей мере, части восточнославянских земель, ранее находившихся под хазарским протекторатом [21, с.280-304]. Такого рода частью вполне могли быть земли бассейна Верхней Оки [7, с.20].

Судя по дошедшим до нас летописным сообщениям, вятичи, ранее, казалось бы признавшие власть Чернигова, после смерти Мстислава выпали из единого контура управления и, через некоторое время, даже будучи окружёнными землями, контролируемые Русью, вернулись к состоянию, по меньшей мере, автономному либо независимому от Рюриковичей. На это указывает указание внуком Ярослава Владимировичем Мономахом на проход его «сквозь вятичи» в качестве события, заслуживающего специального упоминания, что подтверждает явную утерю контроля киевскими властями за ситуацией на верхнеокских землях. На обоснованность данного вывода также указаны походы того же князя 1092 - 93 гг., когда он «в Вятичи ходихом по две зимы» [5, с.239]. Упоминание местного руководителя Ходоты, а затем и ставшего во главе «Вятичей» его сына-наследника, показывает очевидное формирование местной управленческой иерархии, не связанной с Киевом, но очевидно наследуемой.

Почти прекратилось русское вмешательство в польские и чешские дела (что заставляет вспомнить ранее поставленный

вопрос о возможном происхождении матери/матерей Мстислава и Судислава). Резко изменилось направление экспансии — если раньше нажим шёл по всем азимутам, то отныне основной натиск почему-то был преимущественно направлен на, в общем-то, нищую Прибалтику (против ятвягов, мазовшан в поддержку Польши, пруссов, Литвы, ями и т.д.). Подобное поведение косвенно говорит о вероятности существования неких неизвестных нам договорённостей «самовластца» Ярослава с Византией и Польшей.

А что же Судислав? Он продолжал пребывать в узилище живым напоминанием возможности широкой мобилизации ресурсов различных этносов (северов, хазар, печенегов, касогов, вятичей и т.д.) и собственно Руси в случае серьёзных нарушений со стороны ромеев и поляков. И хотя конфликты с Византией у Ярослава Владимировича всё же возникали, инициатором их выступала не империя, а сам правитель Руси, решавший собственные политические вопросы. Судислав, пребывавший в порубе, его, судя по всему, мало беспокоил, вероятно, вследствие неконфликтного склада характера, а также ощутимого роста числа прямых потомков собственно Ярослава Владимировича, которые количественно вполне могли «задавить в зародыше» гипотетические поползновения дяди к власти.

Таким образом, в целом следует полагать вероятным предположение, что заключение под стражу псковского князя Судислава Владимировича по указанию его брата киевского «автократора» Ярослава Владимировича стало следствием сочетания комплекса факторов: необходимости для последнего исключить (законные) претензии младшего брата на наследование «державы» их покойного брата Мстислава, не допустить появления у Судислава потомства (законных наследников), лишить прежних союзников и вассалов Мстислава Владимировича возможности провозгласить другого (законным) наследником умершего князя, способным стать символом восстановления Мстиславовой державы, а также потребности продемонстрировать соседям (Польше, Византии и др.) верность взятым на себя обязательствам по сохранению целостности их территорий. Оставление жизни псковскому князю, по всей видимости, должно было стать неким напоминанием для внешнеполитических партнёров Киева о существовании

правового потенциала резкого изменения актуальной внешней политики.

Детали освобождения в 1059 г. из узилища Судислава Владимировича его племянниками Изяславом, Святославом и Всеволодом явно указывают на учёт «триумвирами» потенциального родового старшинства князя Судислава [5, с.158]. Оно

требовало от них, для окончательного решения вопроса легитимного наследования власти на Руси, «настойчиво рекомендовать» дяде уйти в монастырь, чтобы полностью исключить возможность появления (законного) наследника правителей объединённой земли русской из другой родовой линии.

Список литературы

1. Атанасов Г. Анонимные византийские фоллисы класса «В» и нашествие печенегов в Добруджу 1036 г./ *Stratum plus*. Санкт Петербург-Кишинев-Одесса, 6, 1999. С.111-122.
2. Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества. М.: «Древлехранилище», 2009. 104 с.
3. Жуков И.А. Ранняя вислая печать черниговского князя Мстислава Владимировича – когана русского (1023–1036 гг.)// Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII – XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога, 18 - 20 апреля 2014 года. Материалы докладов и сообщений. СПб.: Знакъ, 2014 . С.128-138.
4. Королюк В.Д. Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. М.: Наука, 1964 г. 381 с.
5. Летопись по Лаврентиевскому списку. Изд. 2-е.. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1872. 592 с.
6. Майоров А.А. К вопросу о внешних факторах возникновения Верховской историко-географической провинции// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. №4 (44). 2017. С.5-13.
7. Майоров А.А. К вопросу о западных культурных связях вятичей и радимичей// Ученые записки Орловского государственного университета. № 4 (77), 2017. с.19-21.
8. Майоров А.А. Параллели в житийных сюжетах об Адальберте Пражском и некоторых древнерусских повествованиях// Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. № 1. 2020. С.78-86
9. Михеев С.М. Рассказ о Святополке и Ярославе и легенда о Борисе и Глебе: «Древнейший свод» и свод 70-х годов XI в.// Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2008. 3 (33). С. 45-46.
10. Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. (Славяно-германские исследования/ Отв. ред. серии Ф.Б.Успенский. Т. 4.). 292 с.
11. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
12. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
13. Пелевин Ю. Борис и Глеб. Факты и метафакты// Отечественные записки. №2(29). 2006. <https://strana-oz.ru/2006/2/boris-i-gleb-fakty-i-metafakt> (дата обращения: 03.11.2021)
14. ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. изд.2-е. 1908. СПб.: Тип-я М.А.Александрова. 574 с.
15. Сумин А.В. О первом упоминании тюрьмы в русских летописях// Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В.Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября - 1 ноября 2015 г. М., 2015. С.46-51.
16. Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.): Монография. Харьков: Харьк. гос.акад.культуры, 2006. 553 с.
17. Чхаидзе В.Н. Матарха-Тмутаракань – между Византией и Русью: проблемы политико-административного статуса// Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17-20 апреля 2018 г. Материалы конференции. Мю: Институт всеобщей истории РАН, 2018. С.337-342.

18. Шайкин А. А. «Оставим все, как есть» (по поводу современных интерпретаций убийства Бориса и Глеба)//Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. О. В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 54. С.337-369.

19. Щавелев А.С. Черниговская Русь Мстислава Владимировича: несостоявшееся государство// Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т.3. Выпуск 5(13). [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000420-1-1/> (дата обращения: 03.11.2021).

20. Шинаков Е.А. У истоков русской государственности. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2020. 528 с.

21. Войтович Л.В. Княжа доба: портрети еліти. Ін-т українознав. ім. І. Крип'якевича НАН України, Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. - Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський., 2006. 782 с. (На укр.язике).

22. Dlugossii Ioannis. Annales Seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber Primus Liber Secundus. Varsaviae: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. 466 S.

«CASES OF SUDISLAV»: EXPERIENCE OF HYPOTHETICAL RECONSTRUCTION

This work is devoted to the consideration of some details of the historical plot connected with the fate of the younger brother of the famous Prince Yaroslav the Wise - Sudislav Vladimirovich, who spent about 24 years in prison on a knowingly false charge. Traditionally, the details of this historical plot were considered in the context, first of all, of Russian history - the history of Old Rus itself as an administrative-political system and its own as a center for the consolidation of East Slavic ethno-political formations. Rarely have its researchers addressed the issues of the functioning of old Rus statehood in a broad context - as an integral and integral part of a single Eastern and Southern European military-political "symphony". It should be noted that, according to a number of researchers, the first half of the 11th century in Russian history was a time during which the plots of local Russian history were closely intertwined with numerous issues of foreign and domestic political topics - from the Balkan and North Caucasian issues to the Baltic and West Slavic problems. The author of this article considers it possible to pay attention when considering the stated topic to some of its indirect and not always obvious connections and contexts. An analysis and comparison of currently available sources and hypotheses allows us to assume an unobvious influence on the events under consideration of a number of factors - from traditional family inheritance to specific features of foreign policy battles traditional on the East European Plain. The term "hypothetical" accentuated in the title indicates the author's desire to note the possibility and even some necessity of the emergence of a discussion aimed at increasing the degree of actualization of the plot considered in this article.

Keywords: Yaroslav the Wise, Sudislav Vladimirovich, Mstislav the Brave, interaction in the process of administration, the system of inheritance, autocratic rule, stability of the hierarchy, international relationships, external military-political activity.

References

1. Atanasov G. (1999) Anonimnye vizantijskie follisy klassa «V» i nashestvie pechenegov v Dobrudzhu 1036 g. [Anonymous Byzantine follis of class "B" and the invasion of the Pechenegs in Dobruja 1036]. *Stratum plus*. Sankt Peterburg-Kishinev-Odessa, 6, S.111-122.

2. Babaev K.V. (2009) Monety Tmutarakanskogo knyazhestva [Coins of the Tmutarakan Principality]. M.: «Drevlekhranilishche», 104 s.

3. Zhukov I.A. (2014) Rannyyaya vislaya pechat' chernigovskogo knyazya Mstislava Vladimirovicha – kogana russkogo (1023–1036 gg.) [Early hanging seal of the Chernigov Prince Mstislav Vladimirovich - Russian Kogan (1023–1036)]. *Mezhdunarodnaya numizmaticheskaya konferenciya «Epoha vikingov v Vostochnoj Evrope v pamyatnikah numizmatiki VIII – XI vv.»* [International numismatic conference "The Viking Age in Eastern Europe in the numismatic monuments of the 8th - 11th centuries"]. Sankt-Peterburg, Staraya Ladoga, 18 - 20 aprelya 2014 goda. *Materialy dokladov i soobshchenij*. SPb.: Znak", S.128-138.

4. Korolyuk V.D. (1964) Zapadnye slavyane i Kievskaya Rus' v X-XI vv. [Western Slavs and Kievan Rus in the X-XI centuries]. M.: Nauka, 381 s.

5. Letopis' po Lavrentievskomu spisku (1872) [Laurentian chronicle list]. Izd. 2-e. Sankt-Peterburg, 592 s.

6. Mayorov A.A. (2017) K voprosu o vneshnih faktorah vozniknoveniya Verhovskoy istoriko-geograficheskoy provincii [On the issue of external factors in the emergence of the Verkhovskaya historical and geographical province]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. [News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences]. №4 (44). S.5-13.

7. Mayorov A.A. (2017) K voprosu o zapadnykh kul'turnykh svyazyah vyatichej i radimiche [On the issue of Western cultural ties of Vyatichi and Radimichi]. *Uchenye zapiski Orlovskogo*

- gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of the Oryol State University]. № 4 (77), s.19-21.
8. Mayorov A.A. (2020) Paralleli v zhitijnyh syuzhetah ob Adal'berte Prazhskom i nekotoryh drevnerusskikh povestvovaniyah [Parallels in hagiographic stories about Adalbert of Prague and some ancient Russian narratives]. Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: humanities and social sciences]. № 1. S.78-86
9. Miheev S.M. (2008) Rasskaz o Svyatopolke i Yaroslave i legenda o Borise i Glebe: «Drevnejshij svod» i svod 70-h godov XI v. [The story of Svyatopolk and Yaroslav and the legend of Boris and Gleb: "The most ancient vault" and the vault of the 70s of the 11th century]. Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki {Ancient Rus: Questions of Medieval Studies}. M., 3 (33). S. 45-46.
10. Miheev S. M. (2009) «Svyatopolk" s̆de v Kievъ po otci»: Usobica 1015–1019 godov v drevnerusskikh i skandinavskih istochnikah ["Svyatopolk sat in Kiev by father": War of 1015-1019 in Old Rus and Scandinavian sources]. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, (Slavyano-germanskie issledovaniya/ Otv. red. serii F.B.Uspenskij. T. 4.). 292 s.
11. Nazarenko A.V. (1968) Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyakh: Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazej IX-XII vv. [Ancient Rus on International Ways: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Relations in the 9th-12th Centuries]. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2001. 784 s.
12. Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi [Foreign policy of Ancient Russia]. M.: Nauka, 472 c.
13. Pelevin Yu. (2006) Boris i Gleb. Fakty i metafakty [Boris and Gleb. Facts and Metafacts]. Otechestvennye zapiski. №2(29). <https://strana-oz.ru/2006/2/boris-i-gleb-fakty-i-metafakt> (03.11.2021)
14. PSRL. T.2. Ipat'evskaya letopis' (1908) [Complete collection of Russian chronicles. T.2. Hypatia chronicle]. 2-nd ed. SPb.: Tip-ya M.A.Aleksandrova. 574 s.
15. Sumin A.V. (2015) O pervom upominanii tyur'my v russkikh letopisyah [About the first mention of the prison in Russian chronicles]. Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya [Rus, Russia: Middle Ages and Modern Times]. Vypusk 4: Chetvertye chteniya pamyati akademika RAN L.V.Milova. Materialy k mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 26 oktyabrya - 1 noyabrya 2015 g. M., S.46-51.
16. Tortika A.A. (2006) Severo-Zapadnaya Hazariya v kontekste istorii Vostochnoj Evropy (vtoraya polovina VII – tret'ya chetvert' X vv.) [Northwestern Khazaria in the context of the history of Eastern Europe (second half of the 7th - third quarter of the 10th centuries)]: Monografiya. Har'kov: Har'k. gos.akad.kul'tury, 553 s.
17. Chkhaidze V.N. (2018) Matarha-Tmutarakan' – mezhdru Vizantiej i Rus'yu: problemy politiko-administrativnogo statusa [Matarkha-Tmutarakan - between Byzantium and Rus: problems of political and administrative status]. Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages]. XXX Yubilejnye Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 17-20 aprelya 2018 g. Materialy konferencii. Myu: Institut vseobshchej istorii RAN, S.337-342.
18. Shajkin A. A. (2003) «Ostavim vse, kak est'» (po povodu sovremennyh interpretacij ubijstva Borisa i Gleba) ["Let's leave everything as it is" (on modern interpretations of the murder of Boris and Gleb)]. Trudy Otdela drevnerusskoj literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom); Otv. red. O. V.Tvorogov. SPb.: Dmitrij Bulanin, T. 54. S.337-369.
19. Shchhavelev A.S. (2012) Chernigovskaya Rus' Mstislava Vladimirovicha: nesostoyavsheesya gosudarstvo [Chernihov Rus of Mstislav Vladimirovich: a failed state]. Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya» [Istoriya, an electronic scientific and educational journal]. T.3. Vypusk 5(13). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000420-1-1/> (03.11.2021).
20. Shinakov E.A. (2020) U istokov russkoj gosudarstvennosti [At the origins of Russian statehood]. SPb.: Izdatel'stvo Olega Abyshko [St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House], 526 s.
21. Vojtovich L.V. (2006) Knyazha doba: portreti eliti [Princely era: portraits of the elite]. In-t Ukraїnoznav. im. I. Krip'yakevicha NAN Ukraїni, L'viv. nac. un-t im. I. Franka. - Bila Cerkva: Vidavec' Oleksandr Pshonkivs'kij., 782 s. (Ukrainian language).
22. Dlugossii Ioannis. (1964) Annales Seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber Primus Liber Secundus. Varsaviae: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 466 S.

Об авторе

Майоров Анатолий Александрович — кандидат исторических наук, и.о. зав. кафедрой истории, философии и русского языка, ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет им. Н.В.Парахина», Орел, Россия, E-mail: aamajorov@rambler.ru

Mayorov Anatoliy Alexandrovich — Assistant Professor [Candidate of history], acting Head of the Department of History, Philosophy and the Russian Language, Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin. Orel. Russia. ORCID: 0000-0002-4758-7553. e-mail: aamajorov@rambler.ru